

The background of the cover is a detailed illustration of a war-torn rural landscape. In the foreground, a soldier in full combat gear, including a helmet and a large tactical backpack, is seen from behind, walking along a muddy, debris-strewn path. Two other soldiers are further ahead on the same path. To the left, a wooden building with a severely damaged, partially collapsed roof stands amidst the ruins. Thick, dark smoke billows from the background, filling the sky and suggesting recent destruction or fire. The overall atmosphere is somber and depicts the aftermath of conflict.

Максим Пахотин

Бесперспективный холод у последней черты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Пахотин

Бесперспективный холод у последней черты

<https://litres.ru/74343527>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 2023. Группа росгвардейцев получает задание проверить деревню, которая по бумагам давно освобождена. На деле их ждёт неучтённый опорник противника, свои же штабные игры с артиллерией и бой, из которого не выходят.

Четвёртая книга. Здесь война перестаёт быть историей про «своих» и «чужих». Она просто перемалывает всех, кто оказался рядом. Без пафоса. Без героев. Без надежды на свет в конце.

Просто холод. И люди, которые пытаются доползти до своих, даже когда уже не за чем.

Максим Пахотин

Бесперспективный холод у последней черты

Пролог

Лето стояло жаркое, душное. Михалыч сидел на кухне, пил остывший чай и смотрел в окно. За окном текла обычная жизнь — дети гоняли мяч, соседи поливали огороды, где-то лаяла собака. Всё было так, как должно быть. Но он чувствовал себя чужим в этом мире.

Физически он уже восстановился. Врачи на комиссии пожали плечами: «Раны зажили, кости срослись, вы здоровы». Психологи задавали дежурные вопросы, он отвечал односложно. Годен. К службе. С незначительными ограничениями.

Бумагу с заключением он спрятал в ящик стола. И знал — это не конец.

Лена чувствовала это. Она стала тише, тревожнее. Он замечал, как она смотрит на него, когда он выходит из дома. Как задерживается у дверей, провожая его на базу. Она не говорила вслух, но страх жил в ней — страх, что он снова уйдёт.

Однажды вечером она не выдержала.

Они сидели на веранде. Солнце уже садилось, и тени

от деревьев ложились длинными полосами. Лена поставила чашку на стол и посмотрела на него.

— Саш, мы должны поговорить.

— О чём?

— О том, что ты молчишь. — Она вздохнула. — Я вижу, как ты смотришь в одну точку. Как вздрагиваешь от резких звуков. Ты не здесь. Ты там.

Он хотел возразить, но не стал. Она была права.

— Ты скоро уедешь, — продолжила она. — Я знаю. Ты офицер, ты не можешь сидеть на месте. И я... я это приняла. — Она замолчала, собираясь с мыслями. — Я не буду тебя держать. Но ты должен знать, как я боюсь. Каждую ночь я просыпаюсь и думаю — а вдруг ты не вернёшься?

Он взял её за руку.

— Я вернусь, — сказал он. — Я всегда возвращался.

— Я знаю. — Она улыбнулась, но глаза были влажными. — Но я боюсь. И я имею право бояться.

Он молчал. Что тут скажешь? Она имела право. На страх, на слёзы, на то, чтобы просить его остаться. Но они оба знали — это не от него зависит. Он солдат.

Она помолчала, потом сказала тихо:

— Если придёт приказ — ты поедешь. Я знаю. Я просто хочу, чтобы ты знал — я с тобой. Всегда. Даже когда боюсь.

Он обнял её, прижал к себе. И в этот момент понял окончательно — он поедет. Не потому, что хочет геройствовать. А потому что не может иначе.

Прошло ещё несколько дней. Михалыч продолжал ходить на базу, на реабилитацию. Встречался с сослуживцами, слушал новости. Знал, что Егорыч собирает группу, что готовится новое направление.

Он ждал. Знал — предложение придёт. И он примет его. А пока — просто быть рядом. Дышать. Жить.

Глава 1

Сосны здесь росли правильно.

Не те кривобокие, обросшие лишайником, к каким привыкли в белорусском Полесье. Не те, что стояли вдоль трассы на Гостомель, израненные осколками, скошенные взрывной волной. Здесь сосны были высокими, стройными, с золотистыми стволами, пахнущими смолой и солнцем. Они стояли ровными рядами, как на параде, и ветер шевелил их кроны так, что казалось — лес дышит. Дышит глубоко, спокойно, по-хозяйски.

Баня топилась по-чёрному, по-деревенски, с той особенной основательностью, которую могут оценить только люди, знающие, что такое настоящий холод. Егорыч, как истинный сибиряк, подошёл к делу со всей душой: дрова колол сам, каменку складывал из булыжников, найденных в овраге, воду грел в огромном чугуне, который притащил откуда-то из сарая. Пар был такой, что дышать невозможно, и из предбанника то и дело доносились счастливые, хриплые крики:

— А-а-а, хорошо-то как!

— Ещё веничком огрей!

— Лёша, не дури, я ж тебя потом!

Выбегали на улицу красные, распаренные, сбивали жар ледяной водой из колодца, заходили снова. И так — несколько кругов, пока не почувствовали, что смыли всё. Не только грязь и пот — тот въевшийся запах войны, который держался под кожей, в волосах, в лёгких. Запах гари, солярки, крови и страха.

Теперь они сидели за массивным деревянным столом под навесом беседки. Стол был сбит из толстых досок, местами почерневших от времени, но крепких, надёжных. На скатерти — не скатерти, а грубой льняной ткани, постеленной прямо на дерево, — стояли тарелки с дымящимся шашлыком, миски с соленьями, хлеб, нарезанный толстыми ломтями. А в центре — трёхлитровая банка, в которой плескалась прозрачная, студёная жидкость. Только что вынутая из холодной воды родника, она покрылась тонким слоем инея, и по стеклу стекали капли.

Михалыч — Вершинин Александр Михайлович — сидел, откинувшись на спинку деревянного стула, и чувствовал, как по телу разливается приятная, долгожданная истома. После бани мышцы стали мягкими, податливыми, и даже та, проклятая, нога, которая ныла при каждой смене погоды, — даже она, казалось, отдыхала. Шрамы на ноге, на рёбрах, на душе — всё это было сейчас где-то далеко. Здесь, в этом лесу,

под этим небом, с этими людьми, он снова чувствовал себя человеком.

Егорыч — Тарасов Дмитрий Егорович — сидел, напротив. Кряжистый, с сединой в бороде и глубокими морщинами вокруг глаз, он был похож на старого лесника, случайно забредшего на пир. Только руки выдавали его — мозолистые, с расплюснутыми костяшками, руки человека, который держал автомат, и не один год. Он наливал водку ровно, не спеша, с тем уважением, которое опытные люди питают к хорошему напитку. Никаких рюмок — стаканы. Гранёные, с ободком, те самые, из советского прошлого.

— Ну что, товарищ Алексей Игоревич, — сказал он, поднимая стакан. — Поздравляю с присвоением офицерского звания. Лейтенант! — он сделал паузу, давая слову прозвучать. — И с очередным орденом Мужества. Заслужил.

Кречет — Заборский Алексей Игоревич — сидел между ними. Он выглядел моложе своих лет, хотя за плечами у него был уже не один год войны. Высокий, поджарый, с цепким взглядом и той особенной собранностью, которая отличает людей, привыкших принимать решения в считанные секунды. Он смутился от тоста, кашлянул в кулак.

— Спасибо, Дмитрий Егорович

— Кречет помолчал. Посмотрел куда-то в сторону, за сосны, где угадывался край поля. Потом ответил коротко, без пафоса:

— За ребят.

— Он поднял свой стакан. — Давайте выпьем за тех, кто остался там. За Саяна. За Агапова. За всех.

Трое мужчин молча подняли стаканы. И выпили. Не чокаясь. Просто — молча, глядя друг другу в глаза. Водка обожгла горло, разлилась теплом по груди, и на мгновение показалось, что те, кого они поминали, стоят где-то рядом, невидимые, но присутствующие. Лес шумел, солнце пробивалось сквозь кроны, и где-то вдалеке куковала кукушка.

— Закусывайте, — сказал Егорыч, пододвигая тарелку с шашлыком. — Я его два часа мариновал. Два часа! Не то что в том СИЗО баланду жрать.

Михалыч усмехнулся. Взял кусок мяса, сочный, ещё шипящий, с лёгкой корочкой. Откусил. Сок потек по подбородку, и он, не стесняясь, вытер его тыльной стороной ладони. Вкус — настоящий, живой, не сравнимый ни с чем, что он ел за последние полгода. Вкус жизни.

— Хорош, — сказал он с набитым ртом. — Егорыч, ты бы ресторан открыл.

— А я и так открыл, — ответил тот, подмигивая. — Вон, на передовой, у меня все офицеры шашлык заказывали. Только платили не деньгами — патронами. — Он хохотнул, но в глазах его мелькнула тень. — Шутка. Хотя... всякое бывало.

Они жевали в тишине. Слышно было, как где-то за беседкой, на летней кухне, звенят тарелки, слышны женские голоса, смех. Запахи свежей зелени, огурцов, укропа смеши-

вались с дымом от мангала и смолой сосен. Обычная жизнь. Простая. Драгоценная.

— Я вижу, ты оправился, — сказал Егорыч, прожёвывая кусок мяса. Взгляд его стал внимательным, оценивающим. Он смотрел на Михалыча долго, изучающе, как смотрит врач на пациента.

Михалыч кивнул. Жевать перестал, вытер руки о салфетку.

— Физически — да. — Голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Нога почти не беспокоит. Ребра срослись. Врачи говорят — молодой организм, восстановился.

— А морально? — спросил Кречет. Вопрос прозвучал негромко, без нажима, но в нём чувствовалась та особая осторожность, с которой говорят о ранах, которые не видны глазу.

Михалыч задержал дыхание. Посмотрел на свои руки — пальцы, сжимающие стакан. На секунду перед глазами встала та камера.

— В целом — да, — ответил он. — Кошмары не снятся. Сплю спокойно. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривоватой. — Иногда, правда, просыпаюсь, кажется, что гимн играет.

— Он развёл руками. — Привыкаю.

Егорыч кивнул. Он знал, что такое привыкать. Сам прошёл через это после Гостомеля. Но сейчас он смотрел на Михалыча не как на психолога, а как на друга. И видел то, что

тот, возможно, не хотел показывать: за словами «спокойно» и «привыкаю» стояла работа. Большая, внутренняя работа.

— Слушай, — сказал Егорыч, отложив вилку. Он подался вперёд, опершись локтями о стол. — У меня к тебе предложение.

Михалыч поднял бровь. В голосе Егорыча появились те нотки, которые он помнил ещё по Ирпеню и Гостомелю. Деловые, собранные, «военные».

— Мы готовимся к новой командировке, — продолжил Егорыч. — Формируем группу. Спецзадачи. — Он сделал паузу. — Не желаешь с нами?

Михалыч замер. В груди что-то ёкнуло. Не страх — нет. Что-то другое. То самое, что он чувствовал, когда впервые брал в руки автомат. Когда входил в горящий Ирпень. Когда смотрел в глаза следователю СБУ и знал — не сдамся.

Он посмотрел на друга. Глаза его загорелись — тем внутренним, почти заветным огнём, который не погасили ни допросы, ни плен, ни боль. Егорыч увидел этот взгляд и усмехнулся одними губами. Он уже знал ответ.

— Думаю, с комиссией решим, — сказал Егорыч. — Пройдёшь. К убытию всё оформим. — Он кивнул куда-то в сторону, где за столом летней кухни колготились женщины. — Вопрос только в тебе и твоей «зае». Вон, смотри, как смотрит. — Он усмехнулся. — Будет тебя отговаривать.

Михалыч проследил за его взглядом. За длинным столом, накрытым белой скатертью, суетились женщины. Резали са-

латы, раскладывали закуски, что-то обсуждали вполголоса, иногда поглядывая в сторону мужской компании. Среди них была и Лена — его жена. Она подняла голову, встретилась с ним взглядом, и в этом взгляде было столько вопросов, столько любви и столько страха, что у Михалыча на секунду перехватило дыхание. Она видела его другим. Не тем, кто был раньше. И боялась потерять снова.

— О чём это вы тут опять без нас договариваетесь? — раздался звонкий, чуть с хрипотцой голос. К столу подошла женщина — невысокая, с тёмными волосами, собранными в пучок, и внимательными, всё подмечающими глазами. Супруга Егорыча — Ольга. Она стояла, уперев руки в бока, и смотрела на мужа с притворной строгостью.

Егорыч, не моргнув глазом, взял кусок шашлыка и протянул ей:

— Оль, попробуй, я сегодня особенно старался.

— Не уводи разговор, — она взяла мясо, но глаз не отвела.

— Я знаю этот твой взгляд. Опять что-то затеваете.

— Да что мы, — улыбнулся Егорыч, — мы просто обсуждаем, как в следующий раз баню топить.

— Ага, — усмехнулась она. — С вами, мужиками, ухо остро надо держать. А то вы тут за столом, а мы за вас переживаем.

Она повернулась к Михалычу. Взгляд её стал мягче, почти материнским.

— Саш, ты хоть отдохнул? — спросила она. — Тебе же

силы надо набираться.

— Отдыхаю, Оль, — ответил Михалыч. — Лучше не бывает. Баня, шашлык, лес. Чего ещё человеку для счастья надо?

— Домой живым вернуться, — тихо сказала она. И, не дожидаясь ответа, добавила громче: — Ладно, мужики, мы там почти готовы. Ещё пять минут — и будет стол накрыт.

Она ушла, но в воздухе повисла пауза. Михалыч посмотрел на Егорыча, на Кречета. Те молчали, переваривая услышанное. Потом Михалыч поднял свой стакан. Водка уже согрелась, но он всё равно поднёс его к губам.

— Я действующий офицер, — сказал он, и голос его прозвучал чётко, громко, так, чтобы его слышали не только за столом, но и за летней кухней. — И если психологи допустят — я с вами.

Он поставил стакан на стол. Посмотрел на Егорыча. Тот кивнул. Коротко, по-мужски. Всё было сказано.

А на летней кухне, за столом, где женщины накрывали салаты, Ольга замерла на секунду. Слова Михалыча долетели до неё — чёткие, звонкие, как выстрелы. Она перевела взгляд на Лену, жену Михалыча, и прочла в её глазах ту же тоску, что жила в её собственной душе.

— Кто бы сомневался, — произнесла она едва слышно, но в голосе её не было упрёка. Только усталое, горькое понимание. И страх за тех, кто сидит в беседке. За тех, кто снова уйдёт.

А в беседке, среди запахов шашлыка, хвои и рубленой бани, трое мужчин — подполковник Росгвардии Вершинин, подполковник Тарасов, лейтенант Заборский — сидели за столом и смотрели на лес. Солнце клонилось к закату, золотило верхушки сосен, и ветер приносил издалека — с запада, оттуда, где была война, — глухой, едва слышный гул. Артиллерия. Далеко. Но она была. И они знали: скоро они снова будут там. Среди огня, свиста пуль и того самого холода, от которого не согреться.

Но сейчас, в эту минуту, было тепло. Были друзья. Был шашлык. И была водка, холодная, как родниковая вода.

— Ну что, — сказал Егорыч, поднимая стакан. — За встречу. За возвращение. И за тех, кто ещё вернётся.

— За вернувшихся, — поправил Михалыч.

— За вернувшихся, — согласился Кречет.

Они выпили. Молча. Потому что слова были лишними. Потому что всё уже было сказано — там, в окопах, в лагерях, в госпиталях. А здесь, среди сосен, можно было просто быть. Жить. Дышать. И помнить.

Закат разгорался за лесом, и его свет падал на лица сидящих за столом мужчин, на их усталые, обветренные лица, на шрамы, которые скрывала одежда, на руки, которые держали стаканы так же твёрдо, как держали автоматы. Война продолжалась. Но этот вечер был их. И они имели право на него.

Глава 2. Ягодное

Артёмовск горел уже четвёртый месяц. Город, который

когда-то назывался Бахмутом, превратился в бетонный скелет, где каждый квартал, каждый дом, каждый подвал становился ареной ожесточённых боёв. Российские войска медленно, но неуклонно теснили противника, овладевая улицей за улицей, кварталом за кварталом. Но украинское командование, понимая, что город удержать не удастся, решило иначе — они начали контрнаступление с флангов, пытаясь взять Артёмовск в клещи. Северный и южный фланги захлестнули встречные бои, и линия фронта превратилась в кипящий котёл, где свои и чужие перемешались в едином хаосе смерти.

По просёлочной дороге, ведущей к населённому пункту Ягодное, что лежал южнее города, на полной скорости нёсся бронированный автомобиль «Тигр». Он был изрядно потрёпан — следы осколков на броне, выбитое заднее стекло, заклеенное скотчем, и свежие вмятины от гранатомётных выстрелов. Машина подпрыгивала на кочках, и каждый раз, когда колёса отрывались от земли, внутри раздавался звон металла и глухие удары тел о броню.

В салоне было тесно. Четыре человека в полной экипировке — бронежилеты, шлемы, автоматы на груди, разгрузки, оттягивающие плечи. Михалыч сидел справа от водителя, вцепившись в поручень над головой. Рядом сзади — Кречет, который вглядывался в серое, низкое небо через щель между бронестёклами. И третий — боец с позывным «Чубайс», молодой, но уже обстрелянный, сидел слева и крутил головой, пытаясь услышать жужжание смертоносных дронов.

Прибор обнаружения БПЛА, закреплённый на приборной панели, истошно пищал, пронзительно, как комар над ухом. Водитель, парень лет двадцати трёх, с позывным «Слон», вдавил педаль в пол, получая на каждой кочке оплеуху от собственного стального шлема, который болтался на груди. Каждый раз, подпрыгивая, он спрашивал, не отрывая глаз от дороги:

— Где эта падла? Кто-нибудь видит её?

— Не отвлекайся, жми! — отвечали мужики, вглядываясь в серое небо, пытаясь разглядеть ту самую «жужжащую смерть» — FPV-дрон, который мог в любой момент врезаться в машину.

Дорога петляла между перелесками и полями, где уже не было ни зелени, ни жизни — только чёрная, выжженная земля и редкие остовы сгоревшей техники. Где-то впереди угадывались силуэты разрушенных домов — Ягодное. Деревня, которую уже несколько раз переходила из рук в руки.

— Бля, вот вправо! — крикнул Чубайс, указывая рукой куда-то в сторону.

Слон, не выясняя, резко крутанул руль вправо. Машина вильнула, завалилась на бок, едва не перевернувшись, но выровнялась. В тот же миг в землю в полуметре от левого переднего колеса врезался дрон. Взрыв, ослепительная вспышка, и в воздух взметнулся фонтан грунта, камней и пыли. Ударная волна ударила по борту, и в салоне на мгновение заложило уши.

— Вот сука! — выругался Михалыч, трясая головой, чтобы прогнать звон. — Теперь будет в ушах звенеть.

Прибор обнаружения дронов замолк. «Слон» немного сбросил скорость, переводя дух. Он был бледен, но руки на руле держал твёрдо.

— Всё чисто, — сказал он, косясь на прибор. — Похоже, один был.

— Не расслабляйся, — буркнул Кречет. — Могут быть ещё.

Машина въехала в деревню. Ягодное предстало перед ними в виде сгоревших и обрушившихся домов. Когда-то здесь была жизнь — огороды, сады, детский смех. Теперь только чёрные остовы печей, торчащие из груды битого кирпича, да обгоревшие деревья. Исключение составляли пара-тройка строений, которые ещё сохранили крыши и стены — видимо, там ещё оставались люди.

Тигр остановился у одного из таких домов. Михалыч, Кречет и Чубайс выскочили наружу, пригибаясь, держа оружие наготове. Слон остался за рулём, готовый в любой момент сорваться с места.

Буквально бегом обежали дом, заглянули в окна, проверили двор. Пусто. Ни души.

— Где они? — спросил Чубайс, озираясь.

В этот момент из-под засыпанной ветками ямы — бывшего погреба, который чудом уцелел, — показалась голова. Женщина лет сорока, с испуганными, запавшими глазами.

Рядом с ней — девочка лет тринадцати, прижимающая к себе тощий рюкзак.

— Вы за нами? — спросила женщина, задыхаясь, будто пробежала марафон.

— Конечно! — скомандовал Михалыч. — В машину, бегом!

Женщина и девочка выбрались из ямы, и их тут же подхватили. Слон распахнул заднюю дверь, и они втиснулись внутрь, сбивая снаряжение.

— Люди ещё есть, — сказала женщина, переводя дыхание. — Бабушка с дедом, через два дома от нас. Они прячутся, но живы. Я вчера, пока обстрел не начался, воды им носила. Дед уже не выходил, а бабушка слепая, я ей отдала. — Она взглянула на Михалыча умоляюще. — Пожалуйста, заберите их.

— Посмотрим, — Михалыч повернулся к Слону. — Загрузите их, и к тому дому. — Он указал на развалюху через два дома. — Я пошёл.

Он бегом добежал до указанного дома. Огороженный сложенным забором двор зарос бурьяном. Дверь в дом была приоткрыта, но на стук никто не ответил. Михалыч обошел строение, заглянул в окна — пусто. Тогда он направился к сараю, полуразрушенному, с провалившейся крышей. Постучал кулаком по доскам.

Тишина.

— Эй! Есть кто живой?

Никакого ответа. Он уже хотел вернуться, как вдруг из-за угла показалась женщина — та самая, которую они только что спасли. Лида, как она представилась.

— Я же сказала — в машину! — рявкнул Михалыч. — Вы зачем?

— Вы стучите, а она не откроет, — ответила Лида, подходя ближе. — Она боится. Она же слепая.

Михалыч вздохнул, снова повернулся к сараю и постучал несколько раз, громче, настойчивее. Потом выждал минуту, будто что-то поняв, и вдруг запел вполголоса, оглядываясь по сторонам:

— Помню я пехоту и родную роту...

Слова песни, старой, армейской, разнеслись в тишине. И вдруг дверь сарая приоткрылась. Из темноты раздался скрипучий, надтреснутый голос:

— Вы кто такие?

— Бабушка, мы за вами, — сказал Михалыч, стараясь говорить спокойно. — Свои мы.

— Каки таки свои? — спросила старуха недоверчиво.

— Русские мы, бабушка. Русские.

— А дай звездочку пощупать.

Михалыч усмехнулся, но в голосе его не было веселья. Он достал из кармана погоны, которые всегда носил с собой — старые, выцветшие, ещё с той формы. Протянул в темноту. Сухая, дрожащая рука коснулась ткани, ощупала звёздочки.

— Ага, наши, — выдохнула старуха. — А то вчера такие

же стучали, а потом стрелять начали.

— Бабушка, — перебил Михалыч, — поехали, опасно здесь.

— Не вижу я, сынок. Ты там глянь, деда моего. В огороде он? Три дня назад за водой ушёл и нету. А в огороде-то в аккурат бахнуло что-то. Я ослепла — не вижу.

Михалыч заглянул за стену сарая, туда, где начинался огород. На меже, у самого забора, лежало тело. Старик, в рваном тулупе, с ведром, валявшимся рядом. Он лежал ничком, и даже отсюда было видно — не живой. Михалыч прикрыл глаза, выдохнул. Вернулся к бабке.

— Что-то не видать никого, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Врёшь ты всё, — ответила бабка, и в голосе её была такая глухая, безнадёжная уверенность, что у Михалыча сжалось сердце. — Там он. Похоронить надо. Не поеду, пока не похороните.

— Времени нет, — отрезал Михалыч. — Некогда хоронить.

— Не поеду тогда, — упёрлась старуха.

Лида, стоявшая рядом, вмешалась:

— Где у вас лопата? Я сама.

Михалыч покачал головой, но спорить не стал. Вдвоём с Лидой они нашли ржавую лопату у сарая, и через пять минут неглубокая, по-быстрому вырытая яма была готова. Перенесли тело, присыпали землёй, утрамбовали как могли. Ми-

халыч постоял секунду, глядя на свежий холмик, потом перекрестился — коротко, по привычке, заученно.

— Забирай бабу, — сказал он Лиде. — И в машину.

Через пару минут все вместе загрузились в «Тигр». Теснота была невероятная, но никто не жаловался. Слон развернул машину и, не включая фар, нажал на газ. Дорога назад была такой же опасной, но прибор молчал, и небо оставалось чистым.

К вечеру они были на месте. Женщин передали волонтерам, бабу — в медсанбат, где ей обещали осмотреть глаза. А Михалыч, Кречет и Чубайс, усталые, грязные, снова стояли перед Егорычем.

— Вот так всё и было, — закончил доклад Михалыч, присаживаясь на ящик. — Бабка оказалась упёртая, но деда похоронили. Хорошо, что успели — через час после того, как уехали, по Ягодному начали «Грады» работать. — Он помолчал. — Спасли четверых.

Егорыч выслушал, не перебивая. Потом кивнул, хлопнул ладонью по столу:

— Молодцы, мужики. Хорошая работа. — Он обвёл взглядом собравшихся. — Но отдыхать некогда. Собирайте группу. Нас отправляют на усиление на другой фланг. У десантников там проблемы с «вагнерами». А хохол давят.

— А что за проблемы? — спросил Кречет.

— Не знаю, — пожал плечами Егорыч. — Снаряды, артиллеристы... не поделили что ли. Разберёмся на месте. За-

дача ясна? Выезжаем через час.

Михалыч поднялся, потянулся, чувствуя, как ноет нога и гудят плечи от бронежилета. Но внутри было спокойно. Та особая, тяжелая ясность, которая наступает, когда ты знаешь — надо делать. И ты делаешь. Без вопросов, без страха, без сомнений.

— Есть, товарищ подполковник, — ответил он.

И вышел собираться.

За спиной осталось Ягодное, спасённые люди и свежая могила на огороде. Впереди был новый фланг, новые проблемы и та же война, которая продолжалась — бесконечная, жестокая, требующая всего, что у них было. И они давали. Потому что умели только так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.